

ки преобразующего отношения к России не существует реального патриотизма личности. Саморегуляция и самодетерминация обеспечивают перевод воспитательного процесса во внутренний мир обучаемого. На третьем этапе формирования патриотизма идут усвоение и присвоение, выработка положительного отношения к усвоенному, уверенности в его истинности, формируется ценностно-смысловое содержание личности. Личностные смыслы при этом выступают внутренними детерминантами ее саморазвития, самоопределения, саморегуляции.

На заключительном этапе происходит синтез интеллектуальных, эмоциональных, волевых сфер личности патриота с ценностями и смыслами России, определяющими и направляющими человека на созидательное и творчески преобразующее движение в реальную жизнь современного российского общества, что и способствует формированию устойчивого, сложного, интегрального личностного образования, которое есть патриотизм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Патриотически** ориентированное образование: методология, теория, практика / под общ. ред. А. Н. Вырщикова. – 2-е изд., доп. и перераб. – Волгоград : Панорама, 2008. – 768 с.
2. **Бузский М. П., Вырщиков А. Н., Кусмарцев М. Б.** Российская гражданская идентичность как педагогический ресурс реализации духовно-нравственного развития и патриотического воспитания учащихся. – Волгоград : Изд-во ВолГМУ, 2011. – 124 с.
3. **Вырщиков А. Н., Кусмарцев М. Б.** Концептуальные основания духовно-нравственного развития и патриотического воспитания детей и молодежи в образовательной системе Волгоградской области. – Волгоград : Изд-во ВолГМУ, 2011. – 56 с.

Принята редакцией: 10.07.2012

УДК 17 + 316.3/4 + 37.0

ЗНАЧЕНИЕ ДИСКУРСА СЕКСУАЛЬНОСТИ ДЛЯ ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ФЕНОМЕНА ЛЮБВИ)

О. И. Николина (Омск)

В статье рассматривается проблема трансформации дискурса сексуальности в рамках постмодернистской философии. Автор анализирует две стратегии воспитания человека: первая стратегия основана на запрете, вторая – на усилении желания.

Ключевые слова: дискурс сексуальности, воспитание, постмодернистская философия.

© Николина О. И., 2012

Николина Ольга Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии философского факультета, Омский государственный педагогический университет.

E-mail olga_nikolina@mail.ru

**THE SIGNIFICANCE OF THE SEXUALITY DISCOURSE
IN THE UPBRINGING OF MODERN PERSON
(ON THE EXAMPLE OF THE PHENOMENON OF LOVE)**

O. I. Nikolina (Omsk)

In the article, there is considered the problem of transformation of the discourse of sexuality within the framework of postmodern philosophy. The author analyzes two strategies of upbringing. The first strategy is based on prohibition and the second, on enhancing the desire.

Key words: *discourse of sexuality, upbringing, postmodernist philosophy.*

Массовая культура оказывает большое влияние на формирование картины мира современного человека, одним из важных элементов которой является отношение к противоположному полу. Понятие секса и сексуальности стало привычным и постоянно транслируемым в различных образах современной массовой культуры. Несомненно, это трансформирует мышление и поведение индивида в современной культуре, в том числе меняет его отношение к феномену любви. В рамках данной статьи мы рассмотрим изменения, произошедшие в воспитании человека с возникновением феномена сексуальности.

Романтическое отношение к феномену любви в философии и культуре постмодернизма воспринимается с присущей этому течению иронией. Понятие любви заменяется другими понятиями, и в целом многие представители постмодернизма говорят уже не столько о чувстве любви, рассматривая этот феномен в контексте подлинного и неподлинного состояния, сколько о подмене дискурса любви дискурсом сексуальности. В этом контексте феноменом любви в разной степени занимались многие представители философии постмодернизма, среди которых можно назвать Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Лакана, Ж. Деррида, Ж. Батая, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяра, Ю. Кристеву, М. Фуко и других, но, ограниченные рамками данной работы, мы представляем концепцию лишь одного из указанных авторов – М. Фуко. На наш взгляд, именно ему удалось наиболее полное рассмотреть феномен любви в рамках современной культуры.

Главное внимание М. Фуко в его рассуждениях о дискурсе подавления направлено на формирование нового типа власти, которая не столько приказывает и наказывает, сколько соблазняет и направляет, не столько запрещает думать о чем-то, сколько, наоборот, провоцирует думать о чем-то слишком много. Формула сексуальности совпадает с формулой власти.

В XIX в. викторианство, с точки зрения М. Фуко, уводит секс в лоно семьи, приспособивая его для размножения, и помещает свободный секс в отдельные дома. Также налагается табу молчания на слова с сексуальным смыслом. Два века вырастили этот дискурс подавления, и он сейчас еще хорошо держится. Постепенно складывается единый «режим: власть – знание – удовольствие» [1, с. 109]. Анализ сексуальности косвенно есть анализ и других сторон: знания и власти.

Важное воздействие на понимание любви оказывают романы. Европейская литература, особенно французская и английская, начиная с XVIII в.

опирается на роман как особенную форму исследования и одновременно программирования человека, особенно молодого, роман формирует его отношение к любви и сексу. Для подчеркивания новизны метода подавления дискурса М. Фуко сопоставляет его со средневековым, ибо мы подавления нашего дискурса не замечаем.

М. Фуко выделяет в западной культуре исповедь как все углубляющееся и расширяющееся стремление власти слушающего и судящего о грехе проникать в самые детальные описания действий и грез. Все эти вещи на исповеди проговариваются, так как церковь рассчитывает «приручить» секс, который, будучи проговорен, теряет свою привлекательность и становится отвратителен для исповедывающегося.

Итак, исповедь ставит задачу «навязать скрупулезные правила анализа самого себя» [1, с. 114]. Так, устанавливается моральный императив проговора о сексе, а также способ управления желаниями через их проговор. Дискурсивный способ самоконтроля всегда подразумевает некую власть над желанием. «Умножение дискурсов о сексе в поле действия самой власти» повышает контроль над желанием [1, с. 113].

Переход секса в дискурс о сексе, с одной стороны, повышает его контроль, с другой – разжигает у власти желание усиления контроля, в то время как у проговаривающего может и подавить желание, вызвав страх и стыд. Секс, с одной стороны, подавлен и взят в рефлексивный контроль, в том числе в форме выражения, с другой стороны, чем шире контроль, тем шире и многообразнее его проявление из подполья.

М. Фуко считает, что важнейшим моментом этого процесса была политика государства повышения рождаемости ради усиления самого государства [1, с. 121]. Секс становится проблемой политической, экономической, производственной, военной. Это ключевой момент: секс и его дискурс контролируем государством и властью. Он распространяется именно властью. Постепенно давление на брак снижается, и супруги освобождаются от рефлексии, в то время как внебрачные отношения подавляются этим специфическим распространяющим методом еще активнее. Это давление радикально меняется после подключения медицины к этому вопросу, в рамках которой формулируется классификация отклонений и попытка объяснить их историей или условиями жизни индивида. Архив этого материала самой церковью не сохранялся, а приход науки порождает огромное множество наблюдений.

Особенное давление осуществляется на сексуальность детей, и под особым контролем оказываются различные отклонения, извращения. Власть при этом сексуализируется и заражается сексом сама. Между извращением и властью устанавливается граница насыщения и взаимоусиления. Семья также испытывает это воздействие многообразия дискурсов, тут и разделение спален родителей и детей, отделение слуг от хозяев, разведение девочек с мальчиками и т. п. «Удовольствие и власть усиливают друг друга. <...> Имплантация перверсий есть некий эффект-инструмент: именно благодаря обособлению, усилению и укреплению периферийных сексуальностей <...> эти отношения множатся» [1, с. 149]. Это отражается и на науке, которая подразделяется на учение о размно-

жении, построенное по научным дискурсам, и на медицину секса, наполненную легковерьями [1, с. 153].

Это универсальный дискурс, пронизывающий общество и науку, и заключается он в признании. Вначале в суде, через отношение другого, потом в признании, то есть дискурсе о себе самом. Самовысказывание не есть одиночество, оно подразумевает того, кто говорит, то, что говорится, того, кому говорится, и того, кто слушает и судит. Главным становится тот, кто слушает, а против говорящего направлена репрессия.

Протестантизм разрывает ритуальный контекст признания, отныне признающийся остается наедине с Богом, с любимым. Тем не менее уже и сама любовь становится признательной.

Научная классификация и дискурс смыкаются с процедурами признания, что отражает избыток сексуальности во власти и ее дискурсе [1, с. 165]. Западная культура в целом оказывается дискурсивной, а любовь в ней рождается от дискурса признания в любви, от заражения другого собственными грезами. Это отражается и на языке романов, где вместо описания подвигов и событий излагаются переживания героев, где читатель учится тому же дискурсу.

Вывод М. Фуко: «наше общество, порвав с традициями *ars erotica*, снабдило себя некой *scientia sexualis*. Точнее говоря, оно преследовало задачу производить истинные дискурсы о сексе; и это – за счет того, что оно подогнало, не без труда, прежнюю процедуру признания к правилам научного дискурса. *Scientia sexualis*, возникшая в XIX в., парадоксальным образом сохраняет в качестве своего ядра своеобразный ритуал обязательной и исчерпывающей исповеди, которая была на христианском Западе первой техникой производства истины о сексе. Начиная с XVI в. этот ритуал мало-помалу отделился от таинства покаяния и через посредство вождения душ и нравственного наставления – некоего *ars artium* – эмигрировал в сторону педагогики, отношений взрослых и детей, семейных отношений, в сторону медицины и психиатрии. Во всяком случае, вот уже скоро полтора столетия как установлен диспозитив для производства истинных дискурсов о сексе: диспозитив, который широко перекрывает историю, поскольку он замыкает старое предписание признания на методы клинического слушания. И именно благодаря этому диспозитиву и смогло появиться в качестве истины секса и его удовольствий нечто вроде “сексуальности”» [1, с. 169].

М. Фуко расширяет проблематику человека (в сравнении с предшествующим дискурсом природы человека). Только когда человек достигает высокого уровня комфорта и о выживании не идет более речи, включается как доминирующий дискурс о сексе. Причем секс не является природным, естественным образованием, он не способен делать действие сам, он берет энергию из тайны, задаваемой в культуре. Это не естественное, а созданное властью образование, — как переакцентуация энергии любопытства. Любопытство и, как следствие, доминирование секса возникают после того, как человек устроил свою жизнь в обыденности.

Следовательно, у М. Фуко научный дискурс строит новое отношение к половым связям, основанным на признании. Вслед за признанием на исповеди в качестве греха, это признание воплощается в художественной ли-

тературе, в романе как откровение интимности. В первом случае признание подавляет сексуальное устремление, а во втором – разжигает его и порождает ответное желание у любимого, которому признание дается. Собственно роман как форма описания жизни в канве любовного приключения и рассказывает о схемах любви в конкретных жизненных обстоятельствах. Сам автор увлечен сексуальным возбуждением, но придает этому влечению романтическую форму приключения вымышленных персонажей. Авторы романа начинают изображать многообразие случаев любовного влечения. Но тем самым авторы придумывают любовь не только с научной точностью, но и в научном стиле. Роман напоминает научное исследование страсти, которая превращается в любовь. Этот научный стиль изложения любви характерен для романа викторианской эпохи и отражает систему подавления. Но тем самым научный дискурс не столько выявляет правила и закономерности любви, сколько создает симулякры любовного приключения, которое направлено больше на заражение читателя, чем на познание действительного механизма любви. Романы скорее создают тайну любви, усиливают эффект ее загадочности, чем и вовлекают читателя, через возбуждение его сексуального интереса.

Кроме того, секс показывает, что в его структуре задана логика власти, логика вытаскивания глубинного на поверхность обыденности и наполнение этой тайной вещей в обыденности. Секс все больше заряжен удовольствием от анализа, от позора, исходного в его проговаривании. Итак, наше общество несет на себе эмблему говорящего секса [1, с. 229].

Тем самым, дискурс подавления оборачивается в сферу секса как обман, ибо исходно сексуальное возбуждение выдается в романтической форме, поэтому любовь (как она представлена в романах) есть симуляция романтического отношения, которое опирается на тайное сексуальное влечение. Источником интереса и героя, и читателя становится сексуальное влечение, которое отрывается от романтической формы, а единство любви как феномена, включающего в себя уникальное единство двух людей, в том числе единство сексуального и духовного влечения, разрывается.

Таким образом, читателю показывают якобы реальное событие, в котором единство присутствует, и читатель увлекается этим единством, но на деле любовь становится лишь романтической оболочкой секса, симулякром сексуального влечения. Любовь становится схемой научного типа дискурса, схемой освоения сексуального увлечения читателя, являющегося свидетелем исповеди об этом сексуальном влечении, но при этом само сексуальное влечение в исповеди не упоминается, а отодвигается на второй план, маскируется любовным увлечением. Научный дискурс оказывается «скелетом» любви, которая понимается как симулякр сексуального влечения, одновременно это и усиление-соблазнение влечения, и структурирование впечатлений. Существенным моментом этого дискурса является новизна романтического сюжета, который присущ научному дискурсу вообще.

Если мы допускаем, что сама любовь, как она подана в викторианскую эпоху, – мощный симулякр, побуждающий к сексу через романы, то все же остается вопрос о смысле такого влечения. М. Фуко считает, что смыс-

лом было формирование нового типа любви в буржуазной ментальности. При этом он утверждает, что прототипом любви, в отличие от секса, становится труд. Отсюда следует, что схема научного дискурса и схема труда – две схемы, которые накладываются на любовь. Труд как первичная схема становится прототипом любви буржуазной, положительной, а научный дискурс выявляет случаи выхода за рамки этой правильной любви.

Таким образом, секс в культуре создан по образцу труда: что создал, то и познал, но он выходит за его границы по принципу неопределенности. Труд вбирает в себя то, что, овеществляясь, повторяет природное (познаваемое и воспроизводимое, тут работает принцип тождества действия и познания с природой), секс же не может быть скопирован машиной и вбирает в себя все, что не объективируется (тайное и субъективное). В объективной сфере комфорт выражается в искусственной воспроизводимости мира, а в субъективной сфере – количеством и качеством удовольствий, завистью, ревностью, заражением и мечтанием об удовольствиях.

По схеме труда любовь должна возникать в комфорте, и тот, кто обеспечивает этот комфорт, обладает властью. Секс же связывается с новизной и любопытством. Любовь строится на уважении, а секс на «заражении». Любовь оказывается тем, что воспроизводится в семье и проверено, устойчиво, а секс – тем, что еще не освоено, загадочно. Если в ситуации секса происходит «заражение», то это заражение новизной и любопытством. Вряд ли ключевым в поведении является познание себя и другого, скорее познание нового. Секс олицетворяет то, что противопоставлено обыденности и повседневности. Так что секс не естественное, а воспроизводящееся свойство человека.

В целом схема любви у М. Фуко выявляется через сопоставление дворянской и буржуазной модели воспроизводства рода и семьи, ибо упорядоченность любви завершается в браке, именно родом и детьми.

Дворянство отличало себя как сословие «голубой кровью», древностью родословной, то есть чистотой прошлого. Буржуазия же оказалась озабоченной прежде всего потомством. Ее кровью стал секс. Дворянство удерживало свое сословное различие по крови, «буржуазия же, дабы снабдить себя телом, напротив, посмотрела с точки зрения потомства и здоровья своего организма. <...> Генеологическая забота превратилась в озабоченность наследственностью» [1, с. 229]. Отсюда следует разная динамика этих сословий. Дворянство концептрирует мир в потомке – герое, а буржуазия ощущает себя единицей, из которой произрастает новая генерация. Однако М. Фуко не подмечает следующего: для дворянства главным становится борьба с вырождением, которое охватывает человека, до этого верившего, что он представляет собой «венец» развития общества.

Мы можем отметить некоторую неполноту в позиции М. Фуко. Во-первых, он не видит связи всей системы власти с ростом производства, намного более быстрым, чем рост демографии, которая является следствием этого роста производства, а не давления на сексуальность. Во-вторых, он не видит различных цивилизаций и культур и не допускает иного способа воспроизводства населения, утверждая, что в масштабе всего мира голод и смерть распространены повсеместно. После устранения нужды вступление естественных для существования человека феноменов проис-

ходит через дискурс власти, использующей таким способом высвободившуюся силу человека и свободу, направив их на эти феномены.

В «целом вооружение власти законом смерти и опора на меч» уступает место иному типу власти, опирающемуся на мотивацию субъекта на секс. Это новые политические технологии, активно включающиеся в проговор и обратную связь с обществом. Мнение ученых и политиков становится обоснованием поведения индивидуальности. Эта сверху заданная система ценностей подменяет собственные импульсы и, главное, технику самосозидания. У греков техника себя самого была главной в частной сфере, а христианство ее узурпирует, но жестко, капитализм – мягко и постоянно проговаривая. Это власть активно говорящая. Так происходит переход «от символики к аналитике сексуальности» [1, с. 254].

Разрыв между дворянской и буржуазной схемами любви показывает относительность того положения дел, которое существует в дискурсе подавления, говорит о возможности иных схем любви. Кроме того, сама схема любви в буржуазном обществе претерпевает изменение. Самым существенным оказывается разрыв между местом жизни и местом работы. Хозяин работает дома, но постепенно место работы и партнерство в деле отделяются от семьи и пространства брака. При переходе к капитализму привязанность уходит из брака и переходит к партнерам на работе. Это в корне меняет тип любви. Его восстановление должно идти через соединение в доме двух человек, в возможности самостоятельного решения ими своих проблем. А в случае консультаций – нейтральное отношение к этим взаимодействиям, без вмешательства в интимное пространство привязанности.

Это действительно разрушает отношения с родителями. Отец лишается в этой ситуации роли суверена и Бога, это и есть «смерть отца», поскольку новые экономические отношения не совпадают с образованием семьи. Семья создается молодыми рано, они еще экономически зависимы от своих родителей, а сексуально – уже вышли из-под их влияния. Это разрушает семью уже в самом начале.

Иными словами, любовь у М. Фуко, во-первых, формируется в рамках системы власти как системы подавления, во-вторых, она формируется искусственным образом и ее противостояние сексу есть результат не природных качеств человека, а свойств системы власти.

Итак, можно утверждать, что в современности происходит гуманизация образования. От запрета в отношении сексуальности и наказания за различные отклонения, как стратегии воспитания в викторианскую эпоху, культура перешла к различного рода техникам усиления желания. Это особенно ярко проявляется в массовой культуре. Вследствие этого меняется отношение к феномену любви, что в целом отражается на существовании современного человека, в частности, в его отношении к семье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. – М. : Магистериум и Касталь, 1996. – 448 с.

Принята редакцией: 22.08.2012